

Дневник подавленной домохозяйки

Чтобы все знали, меня зовут Стэнли Браун. В переводе с немецкого это означает "коричневый", хотя я не уверена, как это связано с тем, что у большинства членов моей семьи светлые волосы. Я выросла в очень консервативном районе штата Индиана, где немецкие общины являются практически нормой.

Я помню, как в детстве мы навещали моих бабушку и дедушку с маминой стороны. Каждый вечер перед сном мой дедушка садился и читал из Библии о греховности и нечестивости мира, а также о наказании таких мест, как Содом и Гоморра.

К тому времени, когда я поступил в колледж, я начал понимать, что мой взгляд на Бога сильно отличается от взглядов моих бабушки и дедушки. Я видел в нем больше доброжелательности и свободы воли, а они видели его требовательным и мстительным. Для меня это было все равно, что жить двумя жизнями: одной вдали от семьи, а другой - рядом с ней.

До этого лета я не знала, что в моем доме существует очень знакомый конфликт. Когда я обнаружила его, это заставило меня вспомнить лекцию по английской литературе, которую мне читал очень хороший профессор; она объясняла разницу между подавленным и подавляемым.

Как она объяснила, подавленные мысли - это мысли, о которых мы не знали, но которые вызывали в нас тревогу и конфликт; в то время как подавленные мысли - это мысли, о которых мы хорошо знали и которые должны были держать под строгим контролем. Конечно, это не больно, объяснила она, пока я отсасывал ее пятидесятилетнюю киску по-собачьи.

Мне всегда нравились женщины постарше, что уж тут говорить. По моему скромному мнению, девушки в возрасте двадцати лет были нытиками, нуждающимися в помощи и либо дурнушками, либо сучками. Женщина старше сорока знает свое тело и то, что ей нравится; она скажет вам, что ей нравится, без оговорок и осуждения; и когда вы обращаетесь с ней правильно, она знает, как показать свою признательность.

Джин Пакстон была именно такой женщиной. Сорок три года, мать двоих детей; она ни разу не изменила мои оценки по какой-либо причине, которую я не заслужил. Но если я правильно ел ее киску, она могла высосать всю сперму из моих яиц. Справедливость есть справедливость, верно?

Тем летом занятия закончились в выходные Дня поминовения, и я отправился домой между вторым и третьим курсом; куда еще мне было идти, я был бедным студентом. Первые пару недель все было неплохо, я общался со всеми своими друзьями, общался с семьей, все как обычно. Но к июню это начало меня доставать.

Я поклялся, что если дедушка или папа прочитают мне еще одну проповедь о "пороках молодости", я буду кричать. О, я должен был сказать вам, что оба они - проповедники. Нет, не священнослужители, а проповедники с огнем и серой, которых можно увидеть в палатке возрождения. Они вместе управляли самой большой церковью в городе, и дедушка планировал, что отец возьмет на себя управление, когда выйдет на пенсию... или умрет.

Но к июню мой мозг расплавился, и мне нужно было выбраться из дома. Папа был в гостях у некоторых людей из церкви; я знал, что мама где-то рядом, и пошел за ней, чтобы спросить, могу ли я взять машину.

Ее не было ни на кухне, ни на уборке, поэтому я отправилась наверх. Нет, я не нашел ее голой в спальне, но она была в своей спальне. Она сидела у своего письменного стола и, похоже, писала.

"Эй, мама", - позвал я.

Она пискнула, закрыла книгу и засунула ее в маленький ящичек на туалетном столике. Черт, я никогда не видел, чтобы она двигалась так быстро. Я спросил, как насчет машины; она заикнулась, что все в порядке, и я не мог не заметить ее покрасневшее лицо и шею.

Я спустился вниз, взял ключи на кухне и направился к машине. Все это время я думал, что же было в той книге, которая так испугала маму. Конечно, спрятать ее в сумочке было идеальным решением. Это были женские вещи, по мнению папы, а он был очень строг в том, чтобы никогда не скрещивать "мужские и женские вещи". Я думала, что он ни за что на свете не подойдет к этому тщеславию.

Позже вечером, когда мои родители смотрели телевизор, а я в своей комнате играл в видеоигры, воспоминания о той книге вернулись. Я была слишком любопытна для своего собственного блага. Я проскользнул по коридору в их комнату. Мне потребовалось всего мгновение, чтобы найти книгу в ящичке ее туалетного столика. Я потянулся вниз, чтобы взять ее, и замер. В поле моего зрения попала нитка, которую мама протянула через коричневый переплет.

Подло, подумала я. Ей было так важно знать, что если кто-то потревожит ее, она поставила одну из самых старых, но эффективных блокировок. Я достал мобильный телефон и быстро сделал снимок; это позволило бы мне заменить книгу и нитку в точно таких же местах.

Держа в руках книгу, я быстрыми шагами вернулся в свою комнату. Я не хотела тратить много времени, меньше всего мне хотелось, чтобы мама узнала, что я рылась в ее вещах; в этом доме очень ценилось уединение.

Мне понадобилось всего несколько страниц, чтобы понять, что я держу в руках; это был своего рода дневник. Это был не обычный дневник, в котором описывались поступки и дела, а скорее дневник чувств и мыслей. Мама использовала этот дневник, чтобы разобраться в чувствах, которые ее мучили.

Это началось чуть больше года назад, в начале лета. Быстро стало ясно, что у мамы были сексуальные чувства, и она не знала, что с ними делать и как с ними справиться. Я просмотрел около дюжины записей, после чего поспешил вернуться и, воспользовавшись фотографией на мобильном телефоне, заменил дневник.

Вернувшись в свою комнату, я села перед компьютером и задумалась о прочитанном. С одной стороны, то, что писала мама, было полным шоком. Она говорила о боли в груди, о бабочках в животе, когда "он" был рядом. Она даже говорила о влажности и физическом возбуждении, когда он был рядом с ней. Все это не соответствовало образу моей матери в моем мозгу. Это была женщина, которая была дочерью проповедника, женой проповедника. Она никогда в жизни не произнесла ни одного нецензурного слова, даже когда сердилась. Я не думал, что она способна на нечистые мысли, но, видимо, я ошибался.

Что странно, ведь она все еще была женщиной, причем очень яркой? Послушайте, я двадцатилетний современный мужчина студенческого возраста. Половина моего мира вращается вокруг секса и порно, так что потерпите. Наберите в Google "Нина Элл", и вы найдете сорокалетнюю немецкую порнозвезду, которая чертовски похожа на маму.

У мамы не 34DD, но я бы предположила, что по крайней мере 34C или 34D. Она немного тяжелее - около ста двадцати килограммов, но держится чертовски хорошо. Скажем так, она была на первом месте в списке мастурбационного топлива для извращенного сына.

Я всегда думал, что это позор, что Бог дал это тело сексуальному ультраконсерватору. Когда через неделю я дошел до половины ее дневника, до меня начало доходить, что она не так консервативна, как я думал.

Самым большим шоком стало признание в том, что прошлой зимой она мастурбировала на "него". Очевидно, его не было рядом некоторое время, и это отсутствие подтолкнуло ее к совершению того, что она считала смертным грехом.

В течение трех записей после этого она ругала себя, а потом... она сделала это снова, и снова, и снова. Судя по ее дневнику, она провела половину зимы, распростершись на кровати; ее пальцы были глубоко погружены в ее мокрую киску. Один только мысленный образ этого заставил меня напрячься.

Самым неприятным было то, что я прошла почти три четверти пути через ее дневник, и я все еще не знала, кто этот парень, по которому сохнет моя мать. Это был сосед? Какой-то парень в городе? Кто-то из церкви? Она никогда не называла его по имени, только "он" или "его" и тому подобные слова.

Но тогда ей не нужно было называть его, она знала, кто он. Это просто сводило меня с ума, когда я задавалась вопросом, у кого есть тело и присутствие, чтобы пробиться сквозь ее консервативную бетонную стену и заставить ее капать, как из крана. А потом я нашла запись, которая перевесила чашу весов.

Когда она рассказала о том, как "он" вернулся из школы; как "он" теперь был рядом с ней так много, что это сводило ее тело с ума; я, наконец, понял, в чем дело. Я медленно закрыл журнал и уставился на свое отражение на экране компьютера.

"Вот дерьмо", - прошептал я про себя.

Хорошо, подумал я. Пора проверить теорию, подумал я; и, как говорили мне мои профессора, без тестовых данных у вас не будет истинных выводов. Я снял рубашку и бросил ее на кровать. Голый до пояса, я спустился вниз и направился на кухню.

Мама отказалась от библейских занятий с папой в среду, сказав, что немного нездорова. Знаю, это звучит банально, но я решил, что теплая чашка чая будет отличным открытием.

Мама сидела, завернувшись в одеяло, на углу дивана, когда я вошла в гостиную. Я села прямо на край ее ног и предложила ей чашку.

"О, спасибо, милый", - сказала мама, повернувшись ко мне.

Ее глаза расширились, когда ее взгляд остановился на моей обнаженной груди. Она держала кружку обеими руками, которые не двигались. Я буквально видел, как пунцовый оттенок пробежал по ее щекам и вниз по шее, пока она смотрела на меня.

"Где... твоя рубашка?" - спросила она низким голосом.

"Извини, мне было немного жарко", - сказал я ей. "Тебя это беспокоит?" Я наблюдал, как ее глаза путешествовали вверх и вниз по моей груди.

"Да", - прошептала мама, продолжая смотреть.

"Мне пойти надеть рубашку?" Я надавил на нее.

"Нет", - остановила она меня, не давая подняться с дивана. "Оставайся... вот так", - почти прошептала она.

Она потягивала чай, а ее взгляд метался туда-сюда между телевизором и мной. Когда ее внимание было приковано к телевизору, я просунул руку под край одеяла. Взяв ее за лодыжку, я вытянул ее ногу и положил к себе на колени, где начал медленно массировать ее теплую кожу.

"Стэнли... ммммммммммммммммммм", - пробормотала она, когда я массировал пятку ее ноги.

"Ты не должен... не надо", - стонала она, когда я разминал тугие мышцы ее икры.

"Ты знаешь, что ты делаешь?" - почти задыхалась она, пока я молчал.

Наконец я поднял голову и пристально посмотрел в глаза. Пятка ее ноги была плотно прижата к моей бушующей твердости, она никак не могла пропустить это.

"На каждом шагу", - сказал я ей, не отводя взгляда.

В ее глазах мелькнуло что-то, а затем на ее лице отразился страх. Она медленно задвинула ногу назад и развернула ноги.

"Мне нужно лечь в постель", - пробормотала она.

<http://erolate.com/book/2844/67861>